

- языков различных семей. Теория лингвистической реконструкции. М.: Наука, 1988. С. 26-43.
9. Письма и заметки Н.С. Трубецкого. М.: Языки славянской культуры, 2004. 608 с.
  10. Порхомовский В.Я. Романские языки // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. Энциклопедия, 1990. С. 421-423.
  11. Современный русский язык / Под ред. проф. Д.Э. Розенталя. М.: Изд-во Московского университета, 1971. 636 с.
  12. Трубецкой Н.С. Мысли об индоевропейской проблеме // Трубецкой Н.С. Избранные труды по филологии. М.: Прогресс, 1987. С. 44-59.
  13. Трубецкой Н.С. О звуковых изменениях русского языка и распаде общерусского языкового единства // Трубецкой Н.С. Избранные труды по филологии. М.: Прогресс, 1987. С. 143-167.
  14. Успенский Б.А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI-XIX век). М.: Гнозис, 1994. 240 с.
  15. Филин Ф.П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк. Л.: Наука, 1972. 655 с.
  16. Seuren P. Western Linguistics. An Historical Introduction. Oxford: Blackwell Publishers, 1998. 570 p.

УДК 801.632

Степанова Г.Ю.

Московский государственный областной университет

ВНУТРИСТРОКОВОЕ СЕМАНТИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО КАК НЕОТЪЕМЛЕМЫЙ ЭЛЕМЕНТ ДРЕВНЕГЕРМАНСКОГО ДИДАКТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

G. Stepanova

Moscow State Regional University

INTERLINEAL SEMANTIC UNITY AS AN INTEGRAL ELEMENT OF AN OLD GERMANIC DIDACTIC TEXT

Аннотация. В статье рассматриваются ранее не изученные семантические процессы, имеющие место в текстах древнегерманской поэзии. В ней представлен анализ коннотативной общности, создаваемой аллитерирующими в долгой строке поэтического текста словами, получившей название «внутристроковое семантическое единство». Проведенное исследование позволило выделить данное явление в дидактической поэзии и установить, что внутристроковое семантическое единство, как правило, трехкомпонентно, состоит из нейтрального по эмоциональной окраске ядра и двух дескриптивных элементов, наделяющих его определенной ассоциацией и связанных с ним аллитерацией.

Ключевые слова: древнегерманская поэзия, рунические поэмы, аллитерация, фоносемантика, звуковой символизм, внутристроковое семантическое единство.

Abstract. This article explores certain semantic processes in the Germanic poetic texts which have been studied so far only superficially. It contains the analysis of a specific connotative general meaning which is created by the alliterating words in a line of a poetic text and is identified here as the internal semantic unity. This phenomenon was extracted through the research of the Germanic didactic poetry. As a rule, the interlineal semantic unity is tripartite and consists of the neutral nucleus devoid of any emotional component and two descriptive elements which give it a certain association and are connected with it through the means of alliteration.

Key words: Germanic poetry, rune poems, alliteration, phonosemantics, sound symbolism, internal semantic unity.

Аллитерация в научных работах, посвященных древнегерманской поэтической традиции, выступает как один из основных объектов исследования. Такие аспекты поэтического

текста, как метрика и общая стихотворная структура, были неоднократно описаны многими учеными-филологами и лингвистами. В настоящее время продолжается исследование крупных поэм, таких, как «Беовульф» и «Старшая Эдда», а также скальдической поэзии и отдельных малых произведений. Реже всего исследователи обращаются к текстам древнегерманских рунических поэм, которые представлены тремя небольшими по объему произведениями – древненорвежской, исландской и англосаксонской руническими поэмами. Традиционно их относят к дидактической поэзии, однако некоторые исследователи считают данные тексты скорее ритуальными произведениями, т. е. относящимися к сакральной функции рунического алфавита, выделяемой отдельными исследователями [1, 33]. Художественная их ценность в первом случае не признается [6, 5], во втором – чаще всего игнорируется. Однако именно благодаря строгой структуре рунических поэм стало возможным целью данной работы поставить выделение новой, ранее не изученной семантической функции аллитерации (создание внутрислового семантического единства), обращая внимание прежде всего на нее, а не на метрику, как это происходит в рамках традиционного подхода [12, 18-30; 7, 103-110; 11, 17-20]. Для того чтобы в полной мере достичь указанной цели, необходимо было выполнить три основные задачи – рассмотреть имеющиеся в настоящее время в исследовательской литературе представления о функции аллитерации в древнегерманском поэтическом наследии; в ходе проводимой научной работы выделить иные, ранее не рассматриваемые аспекты данного приема; наконец, на примере текста англосаксонской рунической поэмы описать механизм функционирования аллитерации как элемента, связанного с семантическими полями отдельных строк.

Весомый вклад в изучение древнегерманских текстов внес Э. Зиверс, первым изучивший в своей работе «Древнегерманская метрика» [12] германскую поэзию в целом и объединивший результаты своих изысканий в стройную систему «пяти типов» аллитера-

ционной строки в зависимости от ударения и, соответственно, постановки аллитерирующих вершин. Он (как и большинство исследователей) рассматривал аллитерацию лишь как своеобразную корневую рифму (нем. *Stabreim*), т. е. сугубо структурный элемент. Это видение аллитерации по-прежнему является довольно популярным [5; 9; 10]. Ее неотъемлемой функцией является прежде всего роль медиатора между краткими строками (или, в зарубежной исследовательской традиции, *полустроками*). Однако вряд ли в настоящее время можно сказать нечто новое о метрической функции аллитерации.

Необходимо упомянуть о тех аспектах древнегерманской поэзии, которые изучались традиционно в русле различных школ – как зарубежного, так и отечественного языкознания. На первом месте, разумеется, изыскания историко-культурологического характера, которые ведутся на протяжении нескольких веков. Однако непосредственно к лингвистике гораздо ближе изыскания текстологического характера, проводимые в XVIII-XIX вв., которые касались расшифровки и приведения текстов в надлежащий вид для последующей публикации [13, 45]. Благодаря им поэтические произведения древних германцев (англосаксов, исландцев, норвежцев, датчан и т. д.) стали доступны широкому кругу ученых, что и привело во второй половине XIX столетия к их массовому изучению. Далее внимание ученых привлекают прежде всего основы древнегерманского стихосложения, их основные метрические особенности (аллитерация, характерная постановка ударения, структура и морфология строки и т. п.) и ключевые ритмико-стилистические приемы (термин предложен Е.М. Мелетинским [3, 389]), к числу которых относится и аллитерация.

Однако функция медиатора является для аллитерации хотя и первостепенной, но не единственной. Иные аспекты ее употребления, как правило, лишь упоминаются, но не рассматриваются. Первоначально древние поэмы изучались скорее как материалы сугубо исторического характера [15, 6], их

поэтическая составляющая была замечена исследователями позже; соответственно, аллитерация практически не изучалась как стилистический прием.

Вторым практически не учтенным аспектом является семантическая функция аллитерации. Традиционно она не рассматривалась; однако, учитывая специфику древнегерманского поэтического текста, представляется сомнительным, что ее значение сводилось исключительно к созданию определенной структуры. Аллитерирующими словами создается некая общая строковая коннотация, однако в связи с тем, что данное понятие не полностью отражает суть исследуемого явления (поскольку от строки к строке меняются не только определенные созвучия, но и соответствующие ассоциации), представляется необходимым введение нового термина – «внутристроковое семантическое единство». Роль аллитерации в создании внутристрокового семантического единства здесь рассмотрена на примере древнеанглийской рунической поэмы как наиболее архаичной (и, соответственно, сохранившей исконное своеобразие древнегерманского стиха). Она датируется VIII – X вв. (точный период создания неизвестен), долгое время хранилась в Коттонском собрании древних рукописей в Лондоне и была уничтожена при пожаре 1731 г. В 1705 году Дж. Хиксом была снята копия, которая и легла в основу последующих публикаций и исследований [6, 6].

При изучении внутристрокового семантического единства принята за отправную точку установка, высказываемая в трудах отдельных ученых, суть которой заключается в том, что звуковая организация различных языков не случайна, и не в последнюю очередь ее построение изначально зависело от удовольствия, получаемого от артикуляции и рецепции тех или иных звуков и их сочетаний [15, 192-193]. Объединяя, таким образом, в теоретическом базисе данной работы фоносемантику (точнее, ее положения относительно звукового символизма [2]) с таким направлением философии языка, как языковая эстетика [14, 121-151], мы получили воз-

можность поставить новую проблему в русле хорошо изученных языковедческих аспектов древнегерманской поэзии. В рунических поэмах фоносемантическим элементом выступает отдельно взятый звук, наделяемый при повторе значением и определенной ассоциацией, основанной на семе слова. Как уже упоминалось, внутристроковое семантическое единство отчасти сходно с коннотацией как языковым явлением, с той лишь разницей, что в древнегерманской поэзии тот или иной оттенок значения не является фиксированным и может различаться от строки к строке.

В ходе данного исследования, проводимого с учетом положений фоносемантики о роли начальных звуков в номинации, был выявлен соответствующий принцип, по которому в рунической поэме, относящейся к формульным произведениям, запускается сложный процесс взаимодействия этимологически не связанных слов. Вместо того чтобы искать связь в диахроническом срезе (то есть с точки зрения этимологии), мы выявляем таковую в синхроническом аспекте. Стихотворная структура здесь рассматривается не в качестве соединения двух кратких строк в единую долгую, а как целостное двух- (чаще трехчастное) единство – в зависимости от количества аллитерирующих слов. Метрика в данном случае не играет существенной роли, поскольку внимание исследователя предлагается сосредоточить непосредственно на словах и связанных с ними ассоциациях, а не на отдельно взятых аллитерирующих вершинах.

Традиционно рассматриваемая роль аллитерации здесь не подвергается сомнению – она точно так же способствует связи кратких строк. Поскольку руническая поэма – текст дидактический (или ритуальный), обращает на себя внимание ее строгая структура. Она разбита на строфы по количеству букв в англосаксонском футорке от четырех до восьми строк в каждой (самые длинные – последние, приходящиеся на более поздние руны). В первой долгой строке каждой строфы наблюдается тройная (реже – двойная) аллитерация, и в ней практически всегда участвует звук, с которого начинается наименование

той или иной руны. Это не только подчеркивает строгую структуру и ритмику стиха, но и акцентирует смысловую составляющую, заставляя особенно пристальное внимание уделять смыслу непосредственно этих строк. Типичная строка, о которой идет речь, выглядит так:

Feoh byþ frofor / fira gehwylcum [6, 12].

На первом месте стоит название руны – *Feoh*, т. е. *богатство* (*wealth*). Отдельные исследователи склонны переводить ее также как «урожай» [1, 44]. За ней следует глагол-связка *byþ* (равнозначный современному *is*), далее – первый (он же основной) дескриптивный элемент (*frofor* – *утешение, радость*), определяющий коннотацию (или ассоциацию), словом, связанный с эмоциональной оценкой и восприятием строки. Второй дескриптивный элемент в данном случае – *fira* (*люди*) – дополняет семантический ряд, завершая единство указанием на тех, кто способен оценить дар судьбы по достоинству. В целом, взаимодействие, взаимосвязывание и взаимовлияние осуществляется по данной схеме.

Первое представленное в стихотворной долгой строке аллитерирующее слово само по себе является символом, лишенным в момент произнесения дополнительных оттенков значения (или коннотации), оно стилистически нейтрально и эмоционально не окрашено – назовем его ядром.

Дескриптивные элементы обычно обладают характеристиками, которых лишено ядро. Они зачастую имеют вполне определенные ассоциации в соответствующей культуре. Так, например, в строке «Ur byþ anmod ond oferhyrned» [6, 12] определение *anmod* (синоним на древнеангл. *modig*, перевод – *гордый*) подчеркивает не столько силу, столько статью. О том же говорит и второй дескриптивный элемент – *oferhyrned* (приблизительный перевод – *обладает большими рогами*). Гордость была одним из достоинств в древнегерманском обществе; украшенные резьбой рога являлись непременным атрибутом любого пиршества.

В строке «Nyd byþ nearu on breostan» [6, 14] аллитерация тесно связывает «потребность» с «тяжестью на сердце», следовательно, добра

она не несет. «Nyd» разные исследователи переводят по-разному: у Б. Дикинса она истолкована как «trouble» («беда») [6, 15], Ф. Асвинн переводит ее как «need» (*нужда*) [1, 93]. Однако, каким бы ни был истинный смысл, положительных ассоциаций с этим словом не связано, хотя непосредственный оттенок нужды в смысле бедности не привносится.

Интересный случай представляет собой строка, в которой дается характеристика руны *Sen* – «Sen byþ swicera gehwam, cuþ on fyge» [6, 14]. Перевод названия остается приблизительным и неточным, хотя большинство исследователей склонны трактовать ее смысл как «факел». Однако аллитерация показывает, что имеется в виду не просто источник света: это метафорический факел, необходимый живым («swicera» – *живой*) и неотрывно связанный со знанием («cuþ» – *известный, знакомый, ясный*). Получается, что *Sen* у древних германцев ассоциировалась с насущной необходимостью, со светом знания – не обязательно научного, житейской мудрости в том числе. Сходное явление наблюдается и в 7 строке рунической поэмы, которая описывает значение литеры «Þorn» (*шип*): «þorn byþ þearle scearp; þegna gehwylcum» [6, 12]. Сам по себе *шип* стилистически нейтрален, однако аллитерирующее с ним слово «þearle» имеет значение «severely» (*яростно, жестоко*). Оно употребляется в сочетании со словом *scearp* (*sharp* – *острый*), следовательно, стоит не в прямом своем значении, а играет роль усилительного наречия «крайне, чрезвычайно». Тем не менее использование именно этого слова, обладающего дополнительным смысловым оттенком, создает внутрискориковое семантическое единство с отчетливым отрицательным оценочным элементом. Третье аллитерирующее слово – *þegna* – как часто бывает, указывает на направленность отрицательного воздействия метафорического «шипа», указывая на цель ононого – воинов. Таким образом, третье аллитерирующее слово (если таковое имеется, что бывает не всегда) замыкает семантический ряд, добавляя последний, завершающий тон. Повторяющийся звук связывает последую-

шие смысловые оттенки с ядром ассоциативного ряда, создавая, таким образом, общее строковое семантическое единство.

Отдельного упоминания заслуживает так называемая аллитерация гласных [15, 66]. Она занимает видное место в древнегерманской поэзии в целом, встречается довольно часто, и около четверти всех случаев аллитерации (в древнеисландском языке) приходится на аллитерацию гласных. Как и в иных германских поэтических текстах, в рассматриваемой рунической поэме аллитерирующие гласные звуки не совпадают по качеству, отсутствует даже аллитерационная дифференциация их на монофтонги и дифтонги. На практике это выглядит следующим образом: «Eolh-secg eard hafþ oftust on fenne» ((корень неизвестен) *осока родину имеет чаще всего в болотах*) [6, 16]. Как мы видим, аллитерируют два разных дифтонга [eo] и [ea] и монофтонг [o]. При этом основная семантическая нагрузка ложится уже не на первую строку, а равномерно распределяется по всей строфе. Видимо, этот феномен связан с тем, что гласные звуки не обладают такой степенью общности, как повторяемые согласные, по крайней мере, для уха, и сами по себе создавать устойчивые семантические связи не способны. Эту функцию вновь берут на себя согласные – в следующей строке становится ясно, с чем ассоциируется *осока*. Прежде всего, это *рост*, *вода* и *возможность получить серьезную рану по неосторожности* (*wexer on wature, wundaþ grimme – растет в воде, ранит жестоко*) [6, 16]. То же самое явление можно отметить и в других случаях, например, в 29-30 строках, которые описывают руну *Is* (*лед*):

*Is byþ oferceald, ungemetum slidor
glisnaþ glaeshluttur gimum gelicust* [6, 14] –
*Лед слишком холоден, невысказанно скользок,
Сияет как стекло, самоцветному камню по-
добно* (пер. наш. – Г.С.).

В данном случае в первой строке аллитерируют слова, являющиеся, по сути, характеристиками льда – *холодный* и *невысказанно скользкий* (в английском переводе *immesu-*

arably slippery, что является более точной формулировкой, дословно – *неисчислимо*). С одной стороны, *oferceald* имеет сильный отрицательный семантический элемент (не будем забывать, что для северных народов зима – фактически синоним смерти, увядания, зное время [1, 102]). С другой – использование в роли усилительного наречия слова *ungemetum*, начинающегося с приставки, несущей в себе отрицание, завершает семантический ряд и к тому же намекает на повсеместность льда (*неисчислимо*). А вот во второй строке подчеркиваются несколько иные характеристики – не будем забывать о том, что традиционно буквосочетание «gl», которое аллитерирует в первой краткой строке, несет в себе значение *блеска, сияния*. Таким образом, получаем, что *лед*: а) *сияет* (*glisnaþ*), б) *походит на стекло* (*glaeshluttur*), в) *напоминает драгоценный камень* (*gimum*). Следовательно, *лед* не только неприятен, но и прекрасен, и опасен для неосторожных.

Следует отметить, что названия букв рунического алфавита представляют собой, несомненно, более древний пласт лексики, поскольку многие из них имели к тому моменту, когда поэма была записана, современные англосаксонские синонимы и либо не употреблялись в речи, либо обладали иной формой (как, например, *sigel – sunne (sun)*, *wenne – wynn (joy)*, *blife (blissful)*; *nyd – nied (need)*, *gyfu – giefu (gift)*, и пр.). Это в известной степени осложняет работу с текстом, поскольку исследователи, чтобы расшифровать их значения, вынуждены прибегать к родственным основам в других древнегерманских языках или же искать этимологическое сходство его с основами готского языка как самого древнего из данной группы, на котором сохранились письменные источники.

Выделяя новую функцию аллитерации как средства создания внутрострокового семантического единства, возможно дополнить и расширить представления об одном из важнейших и основополагающих элементов древнегерманской поэзии, представить его использование и предназначение в новом ракурсе. Взяв в качестве основы для прове-

денного исследования рунические поэмы как наиболее свободные от “напластований” исследовательской мысли произведения, мы получили возможность исследовать прием аллитерации с другой точки зрения, в нетипичной для классического о нем представления ситуации и контексте. Такое направление исследования дает нам возможность сравнения данного аспекта аллитерации (т. е. ее роли в создании внутрислового семантического единства) в иных произведениях древнегерманского поэтического наследия для того, чтобы определить, встречается ли данное явление в иных текстах, или же является характерной чертой дидактических (ритуальных) поэм.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Асвинн Ф. Руны и мистерии северных народов / Фрейя Асвинн; Пер. с англ. А. Блейз. М.: Издат.-торговый дом ГРАНД: Фаир-пресс, 2003. 349 с.: ил.
2. Воронин С.В. Основы фоносемантики / Воронин Станислав Васильевич [Электронный ресурс] // Психоллингвистика [сайт]. [2005-2010]. URL: <http://psycholing.narod.ru/voronin-2.html> (дата обращения: 05.10.2011).
3. Мелетинский Е.М. Происхождение героического эпоса: ранние формы и архаические памятники / Мелетинский Елеазар Моисеевич; Е.М. Мелетинский. Изд. 2-е, испр. М.: Вост. лит., 2004. 460 с.
4. Смирницкая О.А. Поэтическое искусство англосаксов / О.А. Смирницкая // Древнеанглийская поэзия / Ред. И.М. Стеблина-Каменского; Пер. с др.-англ. В.Г. Тихомирова; Под ред. О.А. Смирницкой. М.: Наука, 1982. С. 171-232.
5. Смирницкая О.А. Стих и язык древнегерманской поэзии: в 2 т. Т. 2 / Смирницкая О.А. М.: Филология, 1994.
6. Dickins B. Runic and Heroic Poems of the Old Teutonic Peoples / Bruce Dickins. Cambridge: Cambridge University Press, 1915. 91 p.
7. Heusler A. Der Ljóðhátt. Eine metrische Untersuchung / Andreas Heusler. Berlin: Mayer und Muller, 1890. 170 p.
8. Jones F.G. The Old English Rune poem / Frederick George Jones. Florida: University of Florida Press, 1967. 156 p.
9. Lawrence J. Chapters on Alliterative Verse / John Lawrence. London; Oxford: Henry Frowde, 1893. 123 p.
10. Minkova D. Alliteration and sound change in early English / Minkova Donka. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2003. XIX. 400 p.
11. Rieger M. Alt- und angelsächsische Verskunst / Max Rieger. Halle: Verlag, 1876. 64 p.
12. Sievers E. Altgermanische Metrik / Eduard Sievers. Halle: Max Niemeyer, 1893. 251 p.
13. Shippey T.A. Beowulf: the critical heritage / T.A. Shippey, Andreas Haarder; Gen. ed. B.C. Southam, B. Litt. London; New York: Routledge, 1998. 598 p.
14. Smith R. Inside Language: Linguistic and Aesthetic Theory in Tolkien / Ross Smith; Ed. by Thomas Honegger. Zurich, Berne: Walking Tree Publishers, 2007. 169 p.
15. Tolkien J.R.R. The Monsters and the Critics and Other Essays / J.R.R. Tolkien; Ed. by C. Tolkien. London: Harper Collins Publ., 2006. 240 p.